

варивалъ самъ. Мокѣй, съ подобострастной улыбкой на лицѣ, сменилъ около него бочкомъ и вкрадчиво нашептывалъ: — Очень довольны мужички вашей милостью, Захаръ Ивановичъ! Мы, говорятъ, не токмо — замѣстъ отца почитаемъ ихнюю милость. — Это въ родѣ какъ замѣстъ родителей, напримѣръ, — пояснилъ онъ въ скобкахъ, — очень даже довольны! — «Ты когда мнѣ деньги-то заработаешь?» — такъ же тихо спросилъ его Захаръ Ивановичъ. Но Мокѣй какъ бы не разслышалъ этого вопроса. Онъ внезапно изъявилъ въ лицѣ своемъ дѣловую озабоченность и закричалъ на другого поднощика: «эй, волоки свѣжину! Разинулъ глядѣлки-то! Не глядѣть тутъ пришли!» — А за симъ стремительно покинулъ Захара Ивановича, и безпокойной походкой зашѣшилъ въ кухню.

Въ кухнѣ происходило столпотвореніе. Поваръ Лукьянъ, точно нѣкій магъ, стоялъ около плиты и мановеніемъ рукъ распоряжался поварятами. И поварята сновали по кухнѣ словно угорѣлые; они въ какомъ-то изступленіи стучали ножами, толкли, мололи, мѣсили, крошили, очищали корни, гремѣли противнями... И дѣло строилось какъ по нотамъ. Бульоны кипѣли, дичь жарилась, горы нѣжныхъ пирожковъ воздвигались на блюдахъ. Мокѣй остановился въ дверяхъ, посмотрѣлъ на величественнаго Лукьяна, повелъ съ пренебреженіемъ носомъ, и, почесавъ въ затылкѣ, снова возвратился къ столамъ.

Утромъ Варя встала пасмурная. Шумъ и суетня прислуги необычайно раздражали ее. Но когда настала очередь торжественій, когда на нее посыпались поздравленія, когда сѣденскій священникъ добродушно прошамкалъ молебень «о здравіи боярыни Варвары», и немилосердно накурилъ въ столовой ладномъ — она быстро ожила и запорхала какъ птичка. И странное ощущеніе она испытывала: ей казалось, что каждый нервъ въ ней трепещетъ въ какомъ-то чуткомъ напряженіи, и это непрестанное трепеганье подмывало ее точно волнами. Какъ будто какая посторонняя сила руководила ея движеніями и влекла куда-то... И порывы безотчетной тоски, безотчетнаго веселья, вставали и проходили въ ней прихотливой чередою.

Когда крестьяне пообѣдали и бабы размѣстились вдоль двора живописными группами, а мужики собрались въ одинъ огромный кругъ, Варя, подъ руку съ отцомъ, сошла къ нимъ. Она останавливалась около бабъ и дѣвокъ; любовалась на ихъ яркіе костюмы и загорѣлыя лица, привѣтливо улыбавшіяся ей; дарила